

ЛОКАРМЕН

РАСКРЫЗЪ

Лазарь Кармен

Мама!

(Дети-глухари #2)

В Одессе нет улицы Лазаря Кармена, популярного когда-то писателя, любимца одесских улиц, любимца местных «портосов»: портовых рабочих, бродяг, забияк. «Кармена прекрасно знала одесская улица», – пишет в воспоминаниях об «Одесских новостях» В. Львов-Рогачевский, – «некоторые номера газет с его фельетонами об одесских каменоломнях, о жизни портовых рабочих, о бывших людях, опустившихся на дно, читались нарасхват... Его все знали в Одессе, знали и любили». И... забыли?..

Он остался героем чужих мемуаров (своих написать не успел), остался частью своего времени, ставшего историческим прошлым, и там, в прошлом времени, остались его рассказы и их персонажи. Творчество Кармена персонажами переполнено. Он преисполнен такой любви к человекам, грубым и смешным, измороженным и мечтательно изнеженным, что старается перезнакомить читателей со всем остальным человечеством.

Лазарь Кармен

Мама!

**(Из жизни детей Одесского
порта)**

ПОСВЯЩАЕТСЯ В. ГАРШИНУ

*Тяжелое детство мне пало на долю...
Я рос одиноко... Я рос позабытым,
Пугливым ребенком, угрюмый, боль-
ной...
Надсон*

— **М**ама, мама! – стонет, мечется и бредит на своем матраце в углу, в приюте, Костя.

Бедный Костя!

Он работал вчера до двух часов ночи. Он чистил на пароходе котел, вылез и простудился. И теперь у него – тиф.

Тяжело Косте. Бедный ребенок горит. Горят хрупкое, тоненькое и оголенное во многих местах тельце, оголенные ножки и милостивое личико.

Костя то сожмется в комок, то вытянется, что-то залепечет, и через каждые две минуты проносится по палате его тоскливое и за душу хватающее:

– Ма-а-ма, ма-а-ма!

Костя зовет маму.

А мама помогла бы ему. Она охладила бы его горящее личико, освежила бы водой его губы, рассказала бы ему сказку, перекрестила бы его и убаюкала.

Где же ты, мама?!

Ручки тянутся, падают, снова тянутся, но мама не идет. Нет мамы! Мама не слышит. Она далеко, далеко, а может быть, и глубоко в земле, и некому его приласкать и приголубить.

– Мама, мама!

Безучастная палата спит. Спят на полу и на матрацах, чуть ли не друг на друге мертвецки пьяные дикари – тряпичники и угольщики. И один храп служит ему ответом на его зов, способный разбудить камни.

– Мама, мама!

Кто-то наконец услышал его. Услышал сносчик.

Злой, пьяный, недавно проигравший в «орла и ореш» пояс, картуз и голландку, он присел, уперся в матрац руками, скосил глаза и рявкнул:

– Эй, ты, молчать! Не то рразобью!

– Ма-а-ма, ма-а-ма!

– Я тебе говорю – молчать!

– Ма-ама!

Будь Костя здоров, он узнал бы в этом рыканье бретера и задиру порта Бульдога. Но он болен... И он опять заныл.

– Ма-а-ма!

– Стой же!

Сносчик вскочил и, шатаясь и отдавливая руки и ноги спящим, подошел и нагнулся к Косте.

– Ты чего ор-решь?

Мальчик широко раскрыл глаза и, не узнав Бульдога, снова зашевелил губами:

– Ма...

Но сносчик не дал ему окончить.

Он схватил его за плечи, поднял высоко на воздух, несколько секунд продержал его и бросил затем, как негодную собачонку, назад, на пол.

– Будешь? – спросил сносчик.

Костя ничего не промолвил, притих и уставился в него глазами. Глаза его недоумевали. «За что?» – спрашивали эти детские глазки.

Сносчик отошел, вернулся к своему матрацу и через минуту заснул.

И он не слышал больше, как тотчас же Костя затянул вновь:

– Мама!

Всю ночь Костя звал маму, но не дозволялся ей. Злая! Она не пришла. Не поспешила на его зов, не облегчила его страданий, не обласкала.

И когда поутру палата проснулась, то нашла Костю мертвым.

Он лежал, свернувшись на своем матраце в углу калачиком.

И рот и глаза у него были полуоткрыты, точно и во сне, страшном, вечном, он не переставал лепетать:

– Мама, мама!